

А.Н. Щуплов

Городничий

ГОРОДНИЧИЙ — центральный персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1835, вторая редакция — 1841). В перечне действующих лиц: Антон Антонович Сквозник-Дмухановский. Согласно «Замечаниям для господ актеров», «уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек, <...> ведет себя очень солидно; довольно сурьезен».

В комедии Гоголя «персонажная» структура провинциального, города построена по принципу пирамидальной иерархии и имеет вершиной Городничего. С его реплики, первой в пьесе, завязывается узел интриги, причем слова в этой реплике, как подметил В. Турбин, тарыхтят звуком «р», как колеса брички: «Я пРигласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пРенепРиятное известие: к нам едет РевизоР». Тарыхтенье нарастает: «РевизоР... РевизоР... РевизоР из ПетеРбуРга...»

«Ревизор» — комедия ошибок. Ошибка, зацепившись за ошибку, наматывает целый снежный ком: Добчинский с Бобчинским заглянули в трактир и увидели того, кто показался им ревизором; Городничий приказывает десятским «взять в руки по улице» и выместить город; затем одевает бумажный футляр вместо шляпы; потом пишет записку жене на трактирном счете: «Спешу тебя уведомить, душечка, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие божие, за два соленых огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек». Далее Городничий сквозь пальцы смотрит на амурные похождения жены, отдает случайному человеку в жены единственную дочь и в придачу коляску для Хлестакова.

В начале длинной цепи этих ошибок лежит сон Городничего — непонятный и потому страшный: две «необыкновенные крысы... пришли, понюхали — и пошли прочь». Именно Городничий первым пускает волну страха, который охватывает город. Вначале он бодрится: «Страху-то нет, а так, немножко». Потом восклицает в «страхе»: «Что вы, господь с вами! это не он». Во втором действии Хлестаков и появившийся на пороге Городничий «в испуге смотрят один на другого, выпучив глаза». Затем Городничий слушает Хлестакова, «вытянувшись и дрожа всем телом».

Комизм усугубляется еще одним обстоятельством: по давнему наблюдению, восходящему к Гете, театр создает аналог вселенной со своими небесами, раем, землей и т. д. Именно аналог вселенной предложил Гоголь сыграть актерам в «Ревизоре» — комедии с пирамидальным построением состава участников. В этом свете Городничий являет собою пародию на Всевышнего (а Хлестаков, естественно, пародию на Дьявола: «Ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет», — проговаривается его слуга Осип). Все это укладывается в прокрустово ложе «чертовской концепции» Гоголя. Уездный Бог правит бал почти как настоящий: он рассуждает о грехах («Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов»); дает оценку человеческим деяниям («Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?»); следит за соблюдением иерархии своих «ангелов» (Квартальному: «Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь!»); воспитывает свое воинство («Узлом бы вас всех завязал! В муку бы стер вас всех, да к черту в подкладку! в шапку туды ему!»). Добавим реплику Городничего: «Фу ты, канальство, с каким дьяволом породнились!»

Между делом Бог комедии — Городничий — произносит самые известные реплики, разлетевшиеся по свету и ставшие пословицами и поговорками: «Она сама себя высекла» (об унтер-офицерше); «Не нашли другого места упасть!» (растянувшемуся Бобчинскому); «Над собою смеетесь!» Возможно, по причине этой пародийности актеры Александринского театра, где в 1836 впервые была поставлена комедия, «как-то потерялись» (по свидетельству А. Панаевой, дочери актера этого театра Я. Брянского): «Они чувство-

вали, что типы, выведенные Гоголем в пьесе, новы для них и что пьесу нельзя так играть, как они привыкли».

Комедию «развязывает» (как и «завязывает») именно вопрос и ответ Городничего: «Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!..» Выяснение степени виновности Добчинского и Бобчинского, а также сообщение жандарма о приезде настоящего ревизора — потрафление исконному чувству справедливости, живущему в каждом русском зрителе «Ревизора». Первыми исполнителями роли Городничего были И. Сосницкий (Александринский театр) и М. Щепкин (Малый театр). По словам П. Ковалевского, Щепкин, играя Городничего, «умел найти одну, две ноты почти трагические в своей роли. Так, слова: “Не погубите, жена, дети...” — произносились им «со слезами и самым несчастным выражением в лице... И этот плут на минуту делается жалок».